

Разгром

В ноябре ольвиопольская группа белых, в свое время упустившая Махно под Уманью и ввязанная в бои с Петлюрой, завершила разгром петлюровцев. Часть из них ушла через польскую границу и влилась в грандиозную, никогда не бывалую в Польше армию Пилсудского, снаряжаемую французами и англичанами для войны с красной Россией. Другая часть ушла в подземное русло бандитизма, который был жесточайшим бичом всех без исключения властей, сменявшихся на Украине с 1917 по 1920 год. Так или иначе, у белых высвободились, наконец, руки для спешного оперирования глубоко укоренившейся заразы – республики Махно. Болезнь пустила повсеместные метастазы: не только в «махновских» губерниях было неспокойно, но и под Херсоном и Елисаветградом, где всего несколько месяцев назад бушевало григорьевское восстание против большевиков, вновь поднялись крестьяне. Размах движения был таков, что давал повод белому командованию говорить о «восставших республиках» в этих губерниях.

Возглавить операции против Махно вновь должен был Слащев, назначенный командиром специально сформированного третьего армейского корпуса силою в десять тысяч человек. С востока, со стороны Александровска, надежно сковывали действия партизан части Синельниковской группы – 5 тысяч человек. У Махно людей было несравненно больше, но, как бы ни странным казалось это, в момент наибольшего могущества махновщины вдруг стала замечаться в ней какая-то болезненная немочь. Махно стал вял, нерешителен. Целый месяц деникинские бронепоезда из-за Днепра обстреливали махновскую столицу Екатеринослав, и махновцы, проявлявшие неимоверную изобретательность в партизанских авантюрах, так и не смогли выдумать ничего, чтобы прекратить этот назойливый обстрел, который ужасно затруднял жизнь в городе.

Какова была численность махновской армии в последние месяцы 1919 года, в точности неизвестно. Мелькающая в литературе цифра в 80 тысяч человек является явным преувеличением. Французский историк Александр Скирда дает более скромную статистику – 28 тысяч человек при 50 орудиях и 200 пулеметах. Наиболее дотошный из советских историков махновщины М. Кубанин пишет, что у Махно было 40 тысяч пехоты и 15 тысяч конницы, то есть поболее народу, чем в «штатной» большевистской армии (40, 173).

Все это, однако, нисколько не смущало Слащева. Он оценивал «ядро» Махно в 15 тысяч человек и в дальнейшем, казалось, совсем не принимал в расчет отобилизованные по решению александровского съезда 40 тысяч махновской пехоты.

Чтобы разбить партизан, нужна была стратегия. Возможно, среди высших чинов белого командования только Слащев, ранее имевший дело с Махно, понимал это. Он размышлял: «Предыдущие боевые столкновения выяснили... что Махно вовсе не боится окружения, а даже сам на него напрашивается, действуя в таких случаях своими свободными от окружения отрядами конницы на тыл противника... К моменту же тактического окружения,

если ему до этого еще не удалось нанести поражение противнику, он выбирал один из подходящих отрядов окружавшего его врага и, напав на него всеми силами, прокладывал себе дорогу...» (70, № 12, 41–42).

«Окружать» республику партизан силами в 15 тысяч человек не имело никакого смысла. Махно и так, в некотором смысле слова, находясь в белом тылу, был «окружен». Нужно было найти способ его уничтожить. Слащев не упустил из внимания поразительную для Махно пассивность. Из этого он совершенно верно выводил, что Махно оказался в абсолютно для себя непривычной ситуации: прикован к территории, связан «столицей» и почти регулярной армией, для жизнеобеспечения которой нужны были нормально работающие железные дороги и мастерские, которые едва теплились, госпитали, для работы которых не было ни персонала, ни лекарств... Слащев понял: самый верткий противник его утратил подвижность.

Белый генерал, понятно, не мог вполне знать, насколько тяжело положение Повстанческой армии. Привыкшая жить на подножном корму, армия быстро выжрала все в прифронтовой полосе и заголодала. Немедленно упала дисциплина. Пошли дожди – и вспыхнул неостановимый, как степной пожар, тиф. Я упоминал уже о страшной эпидемии 1919 года, скосившей в России и на Украине больше людей, чем война. Лекарств не было. Медперсонала не хватало даже в городах. Еще в октябре, на александровском съезде Советов, кто-то из делегатов возмущался тем, в каких ужасающих условиях пребывают раненные бойцы: «Раненные повстанцы совершенно лишены медицинского обслуживания, еды, нет даже одеял и подушек, даже соломы, – люди лежат на голом полу и умирают подчас только из-за недостаточного за ними ухода» (95, 615). Но чем дальше в зиму, тем положение делалось хуже – достаточно сказать, что к моменту встречи махновцев с красными как минимум десять тысяч солдат Повстанческой армии валялось в тифу.

К этому добавлялось и еще кое-что, по-видимому, не оставшееся тайной для белого командования. Махновский штаб ощущал растущую неизбежность встречи с Красной армией. Какова будет эта встреча, понять было трудно, потому что, с одной стороны, она знаменовала бы победу над общим врагом, но, с другой – потребовала бы, мягко говоря, объяснения, на каком основании товарищ Махно дерзил товарищу Троцкому в июне 1919 года, и готов ли прославленный батька отказаться от бесчисленных своих самовольств и от ереси «вольного советского строя»?

В махновских «верхах» это вызывало нервозность. И если для мобилизованных крестьян было, наверное, мало разницы в тот момент, у красных или у Махно придется им служить, то для мятежных частей «ядра», переметнувшихся к Махно в Новом Буге, это был не праздный вопрос и уж тем более он был не праздный для командиров этих частей и некоторых членов штаба (Попов, если помним, так и ходил, заочно приговоренный к расстрелу после левоэсеровского мятежа). Несмотря на то, что в Реввоенсовете махновцев было в это время два коммуниста, были и командиры-большевики, невидимая грань все же разделяла махновское войско. Слащев должен был если не знать, то хотя бы догадываться о том, что в махновском «орешке» есть глубокая червоточина. Еще 21 ноября газета «Путь к свободе» предупреждала, что в случае встречи с красными частями Повстанческой армии нужно быть готовой ко всему, в том числе и «к возможному столкновению с приближающейся

большевистской властью» (69, 51). Предусматривалось строго следить за ненадежными командирами, чтобы воспрепятствовать их переходу на сторону большевиков... Было совершенно очевидно, что армия, сохраняющая единство только перед лицом внешнего врага, не вполне боеспособна.

Белые учитывали это. Им должна была стать известной трагическая история Михаила Полонского, в которой обнаружилась вдруг изнанка махновского режима, – и вольнолюбивые декларации Реввоенсовета не только оказались запятнанными кровью, но и в одночасье были обесценены ложью – самой отвратительной ложью власти, пытающейся спрятать совершенное ею преступление...

...Как много времени минуло с тех пор, как в октябре семнадцатого года кучеров сын Михаил Полонский впервые заспорил на митинге в Гуляй-Поле с кучеровым сыном Нестором Махно! Как странно метала и трепала их судьба, как далеко разводила и как сводила вновь! Тут чудесное плетение узора жизни! Знаменитый красный командир в сентябре 1919 года вернулся в местечко Молочанск, где проживала его семья, командиром партизанской армии, возглавляемой его давнишним противником Нестором Махно, взбаламутив тихую придонную жизнь глубинки, над которой волны Гражданской войны проходили почти незаметно... Он взял с собой в Александровск семью: отца, мать, сестер. Он показал им жену, добытую в походах. Семья совсем не знала ее и, вероятно, чуралась – но что поделаешь, сын вышел в «батьки», никто ему был не указ. Позже сестра Полонского, Екатерина Лаврентьевна, в письме писателю А. П. Смирнову, интересовавшемуся судьбой ее брата, сообщала: «Звали ее Татьяна. Отчество жены Михаила я, к своему стыду, забыла. Где Михаил на ней женился, я не помню, так как, по-моему, в нашей семье этот вопрос не возникал во время довольно коротких приездов Михаила к нам...» Видно, нелепым казался семье этот союз, но что значило родительское слово? Война шла, и уж если сынок прихватил барыньку – на то его право и сила. Вряд ли родители знали хоть что-либо о той подпольной работе, которую вел Михаил Полонский в махновской армии.

После оставления Александровска, в Никополе, Полонский сохранил обаяние «бывшего красного» командира, и к нему якобы даже перебегали «целые группы» махновцев, ибо было известно, что его полк, почти целиком состоявший из красноармейцев, будет единственной частью Повстанческой армии, которая безболезненно соприкоснется с красными. Вряд ли Махно всерьез подозревал Полонского: он, правда, поставил его командовать на заднем дворе (а в Никополь красные должны были попасть в последнюю очередь), но, думаю, о тайных собраниях, подобных тому, о котором рассказал Е. П. Орлов, Махно не подозревал. В конце ноября батька вызвал Полонского в штаб на совещание командного состава армии. Нужно было что-то решать: голодный фронт в мокрых окопах еле держался и сам по себе, а со дня на день можно было ожидать удара отступающих с севера белых частей и вслед за тем – роковой встречи с братьями по оружию... В то же время действия одного из командиров, Володина, успешно рейдирующего в сторону Крыма в практически пустых, никакими войсками не охраняемых областях Северной Таврии, у многих атаманов возродили партизанские вожделения: пока не поздно, плюнуть на проклятые города да и податься в Крым, чтобы водрузить над ним черное знамя! Но Махно на прекраснодушные мечтания размениваться не мог: он не мог бросить армию, он не мог бросить свою столицу, он день за днем созидал «анархистское государство», чтобы

доказать большевикам, что они имеют дело с огромной народной силой, которую игнорировать невозможно. И все-таки опасные настроения надо было как-то обсудить: потому и созывалось совещание. Приехав в Екатеринослав, Полонский повел себя неосторожно и в некотором смысле вызывающе. Первым делом он явился на заседание подпольного большевистского губкома и прочитал доклад о коммунистической работе в армии. «Были отмечены большие успехи в смысле укомплектования командного состава большевиками...»

На заседании присутствовал незнакомый человек, на которого падают подозрения в том, что именно он доложил Махно о роли, которую сколь скрытно, столь и талантливо играл Полонский в Повстанческой армии. Уже известный нам большевик Гришута, присутствовавший на этом заседании, в своих воспоминаниях писал потом, что посторонний назвался представителем ЦК КП(б)У Захаровым и предъявил мандат, удостоверяющий, что партией ему доверено руководство всеми вооруженными отрядами в белом тылу. «Мы его ввели в курс наших дел, – пишет Гришута, – так как с этого дня задача наша сводилась, главным образом, к подготовке наибольшего количества махновских частей к переводу в ряды Красной Армии» (35, 86). Если «Захаров» действительно был из махновской контрразведки, становится понятным, почему в ночь после заседания Полонский был убит. Батьке не нужен был популярный командир, вынашивающий такого рода замыслы. Мы не знаем доподлинно, как произошло убийство. Согласно воспоминаниям Гришуты, Полонский был приглашен с женой на вечеринку, в конце которой он был убит, а она арестована. По неопровергнутой, но и недоказанной версии Гришуты, где-то в час ночи Каретников, Чубенко и Василевский вывели Полонского из дома, где шло гулянье, к Днепру. Первым выстрелил в спину Полонскому Каретников, затем Чубенко. Полонский упал. Затем, по версии Гришуты, приподнявшись на локте, крикнул: «Добейте, бандиты!» Его добились. Жена Полонского Татьяна была арестована как сообщница мужа.

По этому поводу Е. П. Орлов высказал только одно соображение: «Вряд ли ее просто так арестовали, не попользовались ею...»

Французский историк Александр Скирда предлагает нам совершенно иную, хотя тоже достаточно широко известную версию событий, согласно которой Полонскому было поручено отравить Махно. Он пишет, что не Махно Полонского, а Полонский с группой заговорщиков из числа подпольщиков-большевиков пригласил Махно на вечеринку, где предполагалось поднести ему отравленное зелье. «Махновская контрразведка, введенная в курс дела одним из своих агентов, внедренных в сеть заговорщиков, арестовала их и, после короткого судебного разбирательства, расстреляла его и его любовницу – актрису, которая должна была сыграть роль отравительницы, а также Вайнера, бывшего председателя ревтрибунала Красной армии, прославившегося своей жестокостью и одного из статистов этого спектакля...» (94, 205–206).

Несмотря на то, что начиная с 1920 года ЧК предпринимала неоднократные попытки «убрать» Махно, эта версия вызывает сомнения. Во-первых, потому, что она ровным счетом ничего не добавляет к тем расплывчатым словам об отравлении, которые Махно как-то произнес по поводу убийства Полонского. Расследования историка тут нет. А. Скирда даже не задается вопросом – с какой бы это стати Махно пошел к Полонскому выпивать в столь

сомнительной компании?

С другой стороны, у Полонского были причины, по которым он мог желать устранения Махно. Без батьки Повстанческая армия развалилась бы легче: ведь бойцы любили Махно и верили в него, его фантастическая храбрость вдыхала в них волю в самые безнадежные минуты. Волин в своей книге писал, что у анархистов из Культпросветотдела иной раз возникала мысль о замене Махно кем-нибудь из равноталантливых командиров (звучит смешно, особенно если принять во внимание реальное отношение Махно и его штаба к «теоретикам» из Культпросветотдела. – В. Г.), однако им неизменно отвечали, что «Махно больше любят, больше уважают; его лучше знают, с ним сроднились, ему полностью доверяют, что очень важно для движения, он более „простой“, более „компанейский“» (95, 680). Устранение Махно помогло бы Полонскому добиться своей цели. И кто знает, не вынашивал ли он честолюбивых замыслов – после встречи с Красной армией принять бывшую Повстанческую под свое руководство? Так или иначе, ни доказать, ни опровергнуть версию отравления нельзя, как и версию Гришута, который ведь тоже не стоял над телом Полонского и не слышал его предсмертной мольбы.

Покинем, однако, область предположений. Чем бы ни было вызвано убийство Полонского, за него предстояло держать ответ: такого масштаба фигура не могла исчезнуть бесследно. Поразительно, что болезненно, по-мальчишески остро ощущавший несправедливость в отношении себя, Махно совершенно по-мальчишески же бестолково и оголтело врал и путался, пытаясь оправдаться. За день слухи об убийстве и арестах расползлись по городу. Вечером на заседании Революционного военного совета Семен Новицкий спросил Махно, что случилось с Полонским. Тут Махно и ответил, что Полонский убит, потому что пытался отравить его. В тот же день на совещании командного состава – замечает по этому поводу Гришута – Махно потребовал от командиров санкции на расстрел Полонского, словно бы тот был еще жив. Обвинял же он Полонского не в отравлении, а в измене и сотрудничестве с белыми. Собрание не поверило, что Полонский стакнулся с белыми, и в целом более чем сдержанно отнеслось к словам Махно.

В тот же день, 3 декабря, у Махно была еще одна встреча. Все те же Семен Новицкий и Гришута – старые знакомые махновцев по Александровску – отправились в штаб, чтобы узнать об участии арестованных большевиков. Им удалось через Волина и Уралова договориться о встрече с Махно. К батьке была отправлена делегация из трех человек. Махно принял их и выслушал претензии. Махно сказал, что «коммунистов он не трогает, но ревкомы и вообще органы власти, поставленные коммунистами, будет расстреливать». Делегаты возразили, что они представители рабочих Екатеринослава, и, если их товарищей-рабочих не освободят, они вынуждены будут принять ответные меры. Махно спокойно сказал: «Что ж, будем расстреливать и рабочих» (35, 87).

Тут уместно сказать, что среди арестованных собственно рабочих не было ни одного человека, все это были профессиональные подпольщики из военной и партийной верхушки. Однако большевики не были бы самими собой, если бы не попытались разыграть карту рабочего класса. Делегаты потребовали открытого суда над Полонским, коль скоро он изменник. Махно вынужден был врать, что этот вопрос будет рассмотрен...

Вообще, в каком-то смысле убийство Полонского оказалось для Махно роковым. На мирную встречу с красными теперь не приходилось рассчитывать. Большевики ушли в подполье и начали газетную травлю махновцев. Реввоенсовет – высший орган махновской власти – становился и опасным, и обременительным, ибо ничего уже не решал, но усилиями Семена Новицкого беспрерывно муссировал вопрос о гибели Полонского. Для выяснения обстоятельств его убийства была создана комиссия из трех наиболее беспристрастных деятелей движения – Уралова, Волина и Белаша. Вряд ли комиссия реально могла что-нибудь выяснить. Волин, например, узнав, что случилось, ограничился единственным вопросом: а было ли это согласовано с батькой? Услышав положительный ответ, он сказал, что не хочет даже вмешиваться в это дело. «Вышло так, что в этот момент Махно находился в соседней комнате в полупьяном состоянии. Услышав разговор, он зашел в комнату, где находился Волин, и сказал: вот как, ты, значит, согласен, что человека расстреляли, даже не спрашивая, по какой причине? А даже если с батькой согласовано, так что он, по-твоему, и ошибиться не мог? А может, он пьян был, когда дал приказ расстрелять?» (56, 4). Волин не осмелился сказать ни слова в ответ. И позже в своей книге «Неизвестная революция» он оправдывал Махно, обвиняя Полонского в заговорщицких действиях.

Нет сомнения, что случись в Красной армии командир, который бы повел анархистскую пропаганду в частях и стал бы укомплектовывать их своими людьми, – он был бы без промедления расстрелян. Думаю, что Полонский на этот счет не обольщался: он знал правила игры. Поэтому и Махно бессмысленно упрекать в каком-то особенном вероломстве. Худо, что казнь Полонского совершилась как тайное ночное убийство, которое нужно было прятать, завирать, замазывать... На Махно пала тень некрасивого поступка, которая стала угрожать его авторитету. Сразу возникли трения между штабом и Реввоенсоветом. Волин вспоминает, что однажды Махно явился на заседание Реввоенсовета совершенно пьяным, «достал револьвер, навел на собравшихся и, поводя дулом из стороны в сторону, громко выругался, обложил Совет и безо всяких объяснений вышел» (95, 683).

Махно начинал пить, когда переставал чувствовать и контролировать ситуацию. А ситуация явно вырывалась из рук, «вольный советский строй» не раем земным оказывался... 5 декабря были расстреляны содержащиеся в тюрьме адъютант Полонского, его жена, председатель трибунала Вайнер и инспектор артиллерии РККА Бродский. На настроениях в городе это сказалось чудовищным образом. Фронт трещал, и в патетических обращениях к командирам голос Махно срывался, в нем прорезывались ноты отчаяния. «Видите ли вы, – писал он в специальном приказе по армии 13 декабря, – что армия разлагается, и что чем дальше будет царить халатность командиров к своему делу... тем скорее армия себя разложит и умертвит... Революция погибнет...» (40, 183).

Армия пила, несмотря на запрещение пить под угрозой расстрела. Сам батька порою делал распоряжения, на которые способен человек лишь в пьяном состоянии. Например, начальнику Екатеринославского гарнизона Махно выписал мандат следующего содержания: «Знаю Скальдицкого как честного человека. Всякий, кто ему не верит, – подлец. Батько Махно» (35, 50).

Батька Махно попал в ловушку, которой стала для него неподвижность. В этой ловушке и поразил его генерал Слащев.

Слащев решил не распылять сил и не отвлекаться на «восставшие республики» под Елисаветградом и Херсоном, а бить в самое сердце махновщины, в Екатеринослав. Фронт махновцев, выстроившийся по линии Пятихатки—Кривой Рог—Архангельское, к началу декабря окончательно утонул в грязи и лишь изредка беспокоил белых налетавшей из-за него конницей.

Слащев рассчитал, что быстрый и мощный удар на узком участке фронта Махно не выдержит и, более того, из-за распутицы не успеет перебросить свои войска к месту прорыва. Направление главного удара было определено вдоль железной дороги Пятихатки—Екатеринослав. Впереди должны были идти два бронепоезда, затем – несколько составов с войсками, прикрываемые с флангов частями 13-й дивизии белых. «Получался очень узкий, но эшелонированный в глубину боевой порядок», чем-то очень напоминавший знаменитый «клин» тевтонских рыцарей.

В середине декабря Слащев нанес удар. Части третьего корпуса белых без труда пробили гнилое рядно махновского фронта у Пятихаток и стремительно двинулись на Екатеринослав. Закрепиться и сдержать продвижение белых частей на линии реки Мокрая Сурава, как того опасался Слащев, Махно не смог. 4 декабря по старому стилю (17-го по новому) белые атаковали Верхнеднепровск, откуда в свое время ударил на Екатеринослав Махно, – «и на плечах махновцев ворвались в тыл их расположения по р. Мокрой Сураве: мелкие железнодорожные мосты этого района были только слабо испорчены махновцами, и к рассвету 5 (18) декабря они уже были исправлены», пишет Слащев (70, № 12, 43).

На рассвете 21 декабря началась общая атака Екатеринослава: 1-й кавказский стрелковый полк устремился напрямик через Днепровский мост, сильный кулак нанес удар вдоль правого берега Днепра. «Во главе всех частей в 10 часов утра в город ворвалась 13 п. дивизия со своим начдивом, и махновцы, потеряв два бронепоезда, три броневика, 4 орудия и около 3000 пленных, бежали из города...» (70, № 12, 44).

Вероятно, нет никакого смысла в том, чтобы в описываемых событиях пытаться увидеть некую параллель тому, что происходило в Екатеринославе ровно за год до этого, когда махновцы впервые брали город. Но если бы кто-то невидимый и беспристрастный наблюдал за этой частью земной поверхности, он бы, наверное, подумал о некотором однообразии и истощении вымысла в историческом театре. В тех же декорациях металлических ферм моста, в том же освещении позднего декабря вновь, стреляя друг в друга, бежали к тому же городу люди, и вновь атаковавшим способствовал успех, и вновь оборонявшиеся не желали сдаваться, вновь и вновь пытались отбить город, оставляя зиме новых мертвых, и вновь из-за дальнего горизонта, оповещая о себе вспышками артиллерийских зарниц, надвигалась сила, которая все переделывала по-своему и делала ненужными битвы и мертвецов декабря.

Е. П. Орлов вспоминает: «Я был в больнице, в тифу, когда город взяли. Слышали стрельбу, потом дверь открывается. Входят белые, шкуровцы. В папах черных. В палате, наверное, человек тридцать лежало. Помню, как сейчас, подходят к одному больному: „Ты что, махновец? Туда-растуда...“ Тот приподнимается: „А ты что, кадюк?!“ А сестра милосердия кричит: „Господин офицер, это все махновцы, их нужно подушками душить!“ И тут же забирают этих махновцев подряд – и во двор, под пулемет...

Я обращаюсь к другой сестре, говорю: „Сестрица, я умру сейчас. Скажите моему отцу... Вот, фамилия его такая-то...“ Она спрашивает: „А у вас сестры нет?“ – „Есть, – говорю, – сестры. Оля и Валя“. Оказалось, что они с Валею в одном классе гимназии учились. И она быстро взяла носилки и меня отнесла в уборную. И там заперла. Так я в живых остался...»

22 декабря белые праздновали победу. После утренней разведки махновцев, которая не внушила опасений, назначенный по городу сторожевой наряд был отменен. Предполагался «георгиевский праздник» с раздачей георгиевских наград солдатам. В 12 часов дня генерал Слащев сам отправился на позиции поздравлять свои части, но в это время по фронту внезапно началась беспорядочная ружейная стрельба, вслед за которой раздались удары орудий. Подъехав с конвоем к месту боя, Слащев увидел «целиком бегущий 1-й стрелковый кавказский полк и уже ворвавшихся в город махновцев». Махновцы устремлялись «вслед за бегущими к вокзалу и железнодорожному мосту, одновременно расширяя свой прорыв в стороны, с тем, чтобы окончательно отрезать левый фланг, т. е. 13 дивизию, и отбросить остальную часть корпуса к северу, тоже прижимая к реке, одновременно запирая мост и тем прекращая переправу подкреплений...» (70, № 12, 50).

Повстанцам, несмотря на всю их решимость, добиться успеха не удалось. Перегруппировав свои части, Слащев отрезал прорвавшихся в город махновцев и блокировал прорыв на фронте. К четырем часам вечера уличный бой затих: израсходовав патроны, оказавшиеся в ловушке махновцы вынуждены были сдаться. Слащев пишет, что в плен было взято около двух тысяч человек, но ни слова не говорит о их судьбе. Зная отношение белых к партизанам, резонно предположить, что все они, подобно больным в госпитале, были безжалостно расстреляны.

Махно, однако, не оставлял надежды отбить город: к этому побуждало его не только нежелание смириться с неудачей, но и соображения более общего свойства. Со дня на день близилась роковая встреча – и, конечно, одно было дело предстать перед большевиками хозяином партизанской республики со столицей в крупнейшем городе Восточной Украины, а совсем другое – командиром когда-то огромного партизанского отряда, не представляющего более ни власти, ни силы. Конечно, Махно не мог допустить этого! Он тщательно готовил «политическую часть» встречи: на конец декабря в Екатеринославе назначен был очередной районный съезд Советов, который еще раз должен был провозгласить «вольный советский строй» на всей территории республики. И вдруг – все эти замыслы ломались...

Под покровом темноты махновцы в 11 часов вечера 22 декабря вновь атаковали город: белые отвечали сосредоточенным огнем, атака не набрала силы и захлебнулась. Слащев перехитрил Махно, угнездившись с сильным гарнизоном в самом центре махновской республики, заставляя партизан атаковать в явно невыигрышных для них условиях. Имея перевес в силах, Махно мог бы, вероятно, добиться успеха, но для этого надо было действовать хладнокровно и не торопясь. Махно же, что нечасто случалось с ним, потерял самообладание. Военный гений на этот раз оставил его. Весь день 23 декабря он в каком-то ослеплении пачками бросал в атаку подкрепления, пробившиеся к городу по грязи, но поскольку атаки были организованы стереотипно и проводились малыми силами, они ни к чему не привели.

23 декабря Махно произвел на позиции белых шесть бесплодных атак. «Но если он верил в успех, – комментирует Слащев, – или действовал под влиянием раздражения и бешенства отчаяния, то войска его шли в атаку все хуже и хуже и, видимо, ни в какой успех уже не верили» (70, № 12, 51).

На рассвете 24 декабря Махно вновь приказал своим частям атаковать, но атака шла так вяло, что захлебнулась в двух верстах от позиции белых... Махновцы выдохлись. Почувствовав это, хладнокровный Слащев бросил вперед свои силы: сильный контрудар, разметающий остатки собранных Махно сил, лишил его последней надежды на овладение городом.

Позже, рассказывая красному офицерству о своей борьбе с махновщиной, Слащев отмечал, что Махно был плохим стратегом. По-видимому, основания для такого суждения у него были. Батяка не смог создать боеспособного фронта. Не смог использовать свое превосходство в силах. И даже личное бесстрашие его и «ярость» (отмечаемая Слащевым), которые были допингом для его бойцов в локальном бою, под Екатеринославом оказались слабым аргументом против выверенного военного расчета Слащева.

Белым, однако, недолго оставалось торжествовать победу: 1 января Екатеринослав заняли части регулярной Красной армии.

Советские историки по этому поводу обычно замечают, что именно большевики спасли махновцев от полного разгрома. Возможно, это и так. Но можно взглянуть на дело иначе: махновцы подготовили триумф большевиков, изгнав белый тыл. Вряд ли, однако, нас к чему-либо приведет оценочная эквилибристика. Факты же таковы: отбросив махновцев от Екатеринослава, Слащев не преследовал их. Для этого у белых не было сил. К тому же на руку партизанам оказалась распутица, которая делала маневры белых просто невозможными вне железных дорог. Фронт, проткнутый Слащевым у Пятихаток, постепенно распадался: во-первых, с падением Екатеринослава он уже ничего не прикрывал, а во-вторых, штаб Повстанческой армии просто, по-видимому, потерял связь со своими частями и ничем не мог помочь им. Махно с ядром в несколько тысяч человек ушел в бездорожные пространства Никопольского уезда. Остальные части выжидали, отогреваясь по хуторам: нужно было продержаться неделю-другую и только не пропустить момент, когда покатаются на юг отступающие белые. А уж тут не мешкать – либо отскочить с дороги, либо подрезать поджилки. А вслед за тем – здравствуй, Красная армия...

Не принимая боя, в самом конце декабря корпус генерала Слащева оставил Екатеринослав и двинулся к Крыму, где впоследствии стал ядром последнего оплота белого движения – армии генерала Врангеля. Красная армия продвигалась по партизанским районам, как бы гуляя. Противник не сопротивлялся. Противника... не было. Красные встречали разъезды партизан, изможденных людей в полушубках, подпоясанных кушаками, с винтовками и обрезами, с диким, то ли голодным, то ли больным, блеском в глазах. Имя батяки Махно было у всех на устах. Однако для самого Махно это был крах. Перед красными батяка предстал не главой анархистской республики, с которым следовало бы говорить на почтительном и благодарном языке, как и подобает говорить с победителем, позабыв все обиды. Нет! Он снова оказывался лишь вождем большого, известного своей своенравностью

партизанского отряда, с которым следовало поступить по целесообразности военного времени.

Наступил 1920 год, роковой для махновщины. Правда, историки всех направлений единодушны в одном: первые встречи красноармейцев и бойцов Повстанческой армии проходили в духе приподнятости и братства, того особого братства, которое объединяет людей, одолевших общего врага. Наверно, красноармейцы удивлялись подвигу партизан, не сложивших оружия во вражеском тылу и тем самым подготовивших их общую победу. Может быть, были и такие, кого мучила совесть, что в свое время они покинули Украину так поспешно. На людей, по убеждению вставших на службу революции, не могла не повлиять героика партизанского движения, напоминавшая о порывах 1917 года, и слегка отдающая крамолрой, но близкая сердцам миллионов крестьян идея «вольных советов»...

А у красных было сытнее, надежнее. У красных медикаменты, махорка. Зато у махновцев была горилка, которой не было у красных. Так что было чем поделиться, было что рассказать, было, наверно, о чем поплакать вместе землякам, узнав о гибели родных и сожженных селах. Как бы ни старались наши историки замазать этот нежелательный факт – была, была она, одна эйфорическая неделя, когда красноармейца с махновцем не разделяло, по сути, ничего, когда белые бежали, когда смерть перестала ежечасно кружить над головами и можно было отдаться позабытым чувствам товарищества и веселья, когда верилось, что все плохое позади, и после неистового напряжения борьбы в мире больше не может быть мелкой человеческой подлости и несправедливости, и мертвецы декабря – это последняя жертва угрюмому богу Гражданской войны. Красные части, которым временно пришлось сражаться в частях Повстанческой армии, чтобы избежать полного разгрома и уничтожения, перешли к своим, часть красных хотела к махновцам. Присоединился к ним, например, партизанский отряд Огаркова, принимавший участие во взятии Орла. Был случай, когда команда бронепоезда передала повстанцам три тысячи снарядов.

Пока шло братание, в Екатеринославе и Александровске – где махновцы вновь встретились с частями 14-й армии, – прошли душещипательные митинги. Правда, чуткое ухо уловило бы в интонациях ораторов встревоженные и озабоченные нотки, однако вряд ли кто из рядовых бойцов всерьез воспринимал их. В Екатеринославе митинг 1 января закончился голосованием резолюции: «Да здравствует всемирная коммунистическая партия большевиков! Да здравствует третий коммунистический интернационал! Долой анархию!» (94, 211). Партизан заставляли повторять большевистский символ веры: началось постепенное вовлечение махновских частей в Красную армию. Окончательное размежевание произошло потом, когда Махно опять был объявлен вне закона: тогда много махновцев вступило в формирующуюся бригаду Г. И. Котовского, который привлекал неординарностью своей натуры и – при всем различии комплекции – неуловимой похожестью на «блистательного партизана» Махно...

Штаб махновцев близко не сносился с большевистскими частями. Расположившись в районе Гуляй – Поля—Александровска, махновцы заняли наблюдательную позицию. Наблюдения скоро выявили, что в повадках борьбы за власть большевики нисколько не изменились с лета 1919 года. Не изменились потому уже, что претендовали на власть целиком, ни с кем не собираясь делить ее. В первых числах января член Реввоенсовета 14-й армии Серго

Орджоникидзе отстучал в ЦК РКП(б) и в редакции крупнейших столичных газет озабоченную телеграмму: «В центральной печати, особенно в „Бедноте“ подчеркивается роль Махно в восстании масс на Украине против Деникина. Считаем необходимым сказать, что такая популяризация имени Махно, который по-прежнему враждебно настроен против советской власти, влечет за собой в рядах армии нежелательные симпатии к Махно. Особенно опасна такая популяризация при нашем продвижении в повстанческий район. Фактически – Махно не руководитель восстания; народные массы в целом восстают против Деникина за советскую власть» (59, 181).

Телеграмма носила явно директивный характер. Обвинение Махно во враждебном отношении к советской власти (как власти Советов, а не большевиков) по крайней мере смешно. Какую роль играл он в крестьянском восстании, показал потом большевикам 1920 год. Но это на самом деле и не имело для них значения. Деникин достаточно ожесточил и напугал крестьян, чтобы они восприняли большевиков как «освободителей».

Еще в декабре 1919 года на VIII конференции РКП(б) видный деятель украинского ЦК партии Я. А. Яковлев наметил контуры стратегического подхода к «союзникам» типа Махно: ликвидировать. «Ликвидировать все банды и те повстанческие организации, которые сегодня бьют Деникина и которые завтра будут гораздо опаснее для нас. Никакого чувства благодарности по отношению к ним быть не может. Здесь один путь, путь беспощадности, самой решительной ликвидации этих отрядов...» (12, 145). Тут даже нечего добавить, кроме, разве, того, что Сталин знал, кого назначить наркомом-коллективизатором...

4 января командарм—14 Уборевич издал секретный приказ, предписывающий «принять все меры к разоружению населения и уничтожению банд Махно» (94, 212). Как видим, политически, терминологически даже, все уже было готово для наступления на повстанчество. Однако приказ некоторое время сохранялся в секрете: для начала открытых боевых действий против Махно нужен был предлог. Его не пришлось ждать слишком долго.

7 января Реввоенсовет Повстанческой армии выпустил декларацию, которую большевики не могли воспринять иначе как попытку вырвать у них политическую инициативу и провозгласить собственные принципы обустройства жизни на освобожденной от деникинцев Украине. Это была, конечно, колоссальная дерзость. Одного лишь обращения – «ко всем рабочим и крестьянам Украины» – с предписанием прочесть воззвание во всех уездах, на всех заводах и фабриках и, так или иначе, довести его до сведения каждого человека – было достаточно для того, чтобы вызвать гневный столбняк у партии большевиков. По существу, за год до Кронштадта в декларации были сформулированы все основные постулаты ненавистной большевикам ереси – «за Советы без коммунистов», – о которой даже между своими позволительно было говорить лишь при закрытых дверях... А махновцы силились выкрикнуть еретические положения на всю Украину, более того: обращались непосредственно к грядущему Всеукраинскому съезду Советов, выражая надежду, что он не наденет народу на шею новое ярмо большевистской власти, а будет руководствоваться принципами свободы и здравомыслия. Что же содержалось в декларации Реввоенсовета Повстанческой армии: все распоряжения деникинских властей и распоряжения большевистских властей, противоречащие «интересам народа», объявлялись отмененными; земля и инвентарь крупных землевладельцев и кулаков должны были

перейти в руки крестьян, живущих своим трудом; размеры наделов и сроки наделения землей должны были определяться на местах самими крестьянами; шахты, заводы, фабрики, рудники объявлялись собственностью рабочего класса, «который при посредстве профсоюзов берет в руки все производство, организует общественное разделение труда» (94, 209);

в политическую структуру закладывались «вольные советы», которые махновцам виделись прежде всего беспартийными: в эти советы они предлагали избирать собственно трудящихся, а не партийных выдвиженцев, чтобы «советы рабочих и крестьян» не превратились в «советы депутатов партий»;

существование чрезвычайек, ревкомов и других репрессивных органов объявлялось недопустимым при строе «вольных советов»;

право трудящихся на свободу собраний, слова и организаций полагалось их естественным правом, а нарушение этого права – контрреволюцией;

также объявлялось, что все, кто будет препятствовать распространению воззвания, будут считаться контрреволюционерами.

Надо сразу сказать, что широкого распространения воззвание не получило – ни в 1919 году, ни позже. Из всех книг по махновщине оно упоминается только в книге А. Скирда, который знакомился с оригиналом декларации в Международном институте общественной истории в Амстердаме. У махновцев не было способов широко оповестить население о своей программе. В этом смысле они проиграли еще одну войну – информационную.

Однако в любом случае попытка выступить с программой, подобным образом «корректирующей» представления большевистских вождей о революции и народовласти, так просто с рук сойти не могла. Ярость, которую вызвала у большевиков записка, объяснима: ничто так не раздражает ортодокса, как самонадеянность другого самостоятельно трактовать священные писмена революции.

Ответные меры должны были последовать незамедлительно. Они и последовали. Никто из большевистских иерархов, естественно, не опустил до политических переговоров с руководителями повстанцев. Зато на следующий же день после выхода декларации, 8 января, штаб махновцев в Александровске получил из Екатеринослава приказ командования 14-й армии: немедленно двинуть Повстанческую армию на польский фронт по маршруту Александрия—Чернигов—Ковель.

Крупномасштабные боевые действия против поляков, втихую отхвативших себе в 1919 году целые области Украины и Белоруссии, не могли не начаться: поляков натравливали французы, а большевикам Польша казалась пучком соломы, при помощи которого можно запалить огнем революции всю Европу. Вялая война тлела уже давно, и теперь обе стороны хотели довести ее до конца.

Естественно, что для махновцев приказ командарма Уборевича был неожиданным и оскорбительным. Ни Уборевичу, ни любому другому красному командарму формирования

махновцев не подчинялись ни формально, ни фактически. Кроме того, красное командование должно было знать, что остатки армии, измученные боями и эпидемиями, нуждаются хотя бы в отдыхе. Ясно было, что партизан хотят во что бы то ни стало оторвать от своего района и бросить на поляков, а не, скажем, на Крым или на Кавказ. Естественно было предположить, что приказ является не более чем провокацией: в случае исполнения его махновцы, признав над собою власть красного командования, превращались в штатную боевую единицу РККА, ни к какой «политике» более не причастную. В случае неисполнения – должны были последовать какие-то меры. Нет сомнения, что махновцы понимали это. Однако после полугода боев под черным знаменем, ведущихся на свой страх и риск за свое дело, принять приказ в такой форме они не могли.

Большевики также знали это. Командарм—14 Уборевич, объясняя смысл приказа И. Э. Якиру, в разговоре по прямому проводу намекнул: «Соответствующее отношение Махно к этому приказу даст нам возможность иметь определенный материал для нашего дальнейшего поведения». Якир, под командой которого в свое время была взбунтовавшаяся летом 58-я дивизия, переметнувшаяся к Махно, прямодушно ответил: «Я лично, зная Махно, полагаю, что он ни в коем случае не согласится». Уборевич разъяснил: «Приказ является известным политическим маневром, и только, мы меньше всего рассчитываем на положительные результаты в смысле его выполнения Махно...» (69, 52). Совершенно ясно, что приказ не был частной инициативой командарма Уборевича, а являлся замыслом более высокопоставленного провокатора. Кто он – один или во многих лицах? – мы не знаем. Ясно лишь, что провокатор этот ясно отдавал себе отчет в том, что есть вещи более могущественные, нежели логика и здравый смысл, – есть тайное достоинство воина и психология независимого борца, которая не позволит махновцам принять эту оскорбительную директиву.

На приказ Уборевича Реввоенсовет махновцев ответил незамедлительно. В ответе указывалось, что Повстанческая армия оперативно не подчиняется командованию 14-й армии, но революционность свою доказала в ходе многомесячных боев с Деникиным. Выступление на польский фронт невозможно, ибо «50 % бойцов, весь штаб и командующий армией больны тифом» (2, 157–158). В конце содержался призыв к солдатам Красной армии не поддаваться на провокации командного состава и не начинать братоубийственной войны.

Ответ полностью удовлетворил большевиков. Во-первых, он давал повод обвинить Махно в непокорстве, а во-вторых, из него как будто явствовало, что крупное партизанское соединение в 9 тысяч человек, сосредоточившееся, по слухам, в районе Александровска, фактически небоеспособно.

9 января в переговорах с махновцами была поставлена точка: Всеукраинский ревком в лице Г. И. Петровского, Д. З. Мануильского, В. П. Затонского, Г. Ф. Гринько и других объявил Махно и махновцев вне закона. Начиналось воззвание с откровенной лжи, заканчивалось откровенной гнусностью.

«Товарищи! Наконец, после невероятных тяжелых жертв нашей доблестной Красной Армии удалось разбить помещиков и капиталистов и их приказчика Деникина. Но главный враг украинского народа – польские паны – еще не разбиты...»

Далее – в том же духе до слов: «Но Махно не подчинился воле Красной Армии, отказался выступить против поляков, объявив войну нашей освободительнице Рабоче-Крестьянской Красной Армии...» Поистине, судьба издевалась над неудавшимся физиком В. П. Затонским, ставшим волею случая государственным деятелем: в который раз уже он прилагал полномочное усилие к уничтожению человека, которого когда-то лично снабдил подложным паспортом для нелегального проникновения на Украину! В 1938 году и сам Владимир Петрович познал горечь предательства и неотступности смерти, появляющейся сначала в виде невинного росчерка на бумаге. Вспоминал ли он тех, кому вот так же, в обтекаемых формулах, подписывал *de facto* смертный приговор?

Бессмысленный, риторический вопрос. Но, действительно, порой хотелось бы знать...

«...Махно и его группа предали украинский народ польским панам подобно Григорьеву, Петлюре и другим предателям Украинского Народа.

Поэтому Всеукраинский Революционный Комитет постановляет:

1. Махно со своей группой объявляются вне закона как дезертиры и предатели.
2. Все, поддерживающие и укрывающие этих изменников украинского народа, будут беспощадно истреблены.
3. Трудовое население Украины обязуется всячески поддерживать Красную Армию в деле уничтожения предателей махновцев...» (12, 236).

Это был большевистский ответ по существу дела на декларацию Реввоенсовета Повстанческой армии. В тот же день, 9 января, бригада Ф. Левензона и войска 41-й дивизии, совместно с махновцами занимавшие Александровск, сделали попытку захватить штаб Махно, расположившийся в лучшей гостинице города, и внезапным налетом разгромить части, расквартированные в пригороде. Махновцы не ждали удара. За несколько дней до этого состоялось совместное совещание повстанческого штаба с командирами Красной армии, и, хотя политические разногласия неизбежно вылезли, Семен Каретников прямо говорил Левензону, что повстанцы готовы вместе с красными ударить на белых на подходящем боевом участке, но только не под Ковелем. При чем тут поляки? Беседа казалась дружеской. Каретников не знал, что после совещания значительная часть красных командиров предложила попросту перебить махновскую верхушку, но осторожный комдив Якир приказал обождать, предпочитая, чтобы прозвучало внятное указание сверху. Когда же приказание прозвучало, захватить махновцев все-таки не удалось: повстанческие части были рассеяны неожиданной атакой, но никто из руководителей не был схвачен. Штаб прорубился из города вместе с «батькиной сотней», а сам Махно выехал из города на телеге, переодевшись в крестьянское платье, никем не заподозренный...

Ф. Левензон отрапортовал, что вместе с Махно ушло в район Гуляй-Поля ничтожное число людей – всего около 300 человек. Повстанческой армии больше не существовало.

В середине января в Кривом Роге был арестован заболевший тифом Волин.

31 января оперсводка 13А информировала о ликвидации последних махновцев в районе Гуляй-Поля. Сообщалось о трофеях: 13 орудий, 8 пулеметов, 120 винтовок, 60 лошадей, 50

седел, полевой телефон, 100 сабель, 4 пишущие машинки и 300 пленных. Это было все, что осталось от махновской армии, не угодной ни белым, ни большевикам...

Любознательства ради я посмотрел, что делал в эти дни Ленин – 7, 8, 9 января или, к примеру, 31-го. Ведь должны же ему были что-то доложить о Махно, тот все-таки достаточно тревожащей был фигурой... Но тревоги Ленина ничто не выявляло: он проворачивает кучу государственных дел, получает новый партбилет, ездит в Горки, реагирует на жалобы Затонского о злокозненных действиях украинских левых эсеров, читает политсводки РВС республики, интересуется донесениями Сталина об обнаруженных в Донбассе запасах угля – но махновщина абсолютно вне сферы его внимания. Крестьянские брожения отданы на откуп деятелям иного партийного ранга – Х. Раковскому, В. Затонскому, Я. Яковлеву. Не думаю, что это случайность: вообще, шевелениям крестьянства Ленин не придавал большого значения, для него это класс, которому в истории Нового времени отведена лишь страдательная роль. Забеспокоился он, пожалуй, лишь в середине 1920 года, когда безжалостные крестьянские войны стали угрожать самому существованию советской государственности. Пока же исторический процесс протекал целесообразно и закономерно. Беспокоиться было не о чем. С махновщиной было покончено навсегда: оставалась лишь доводка, скучная и грязная отделочная работа после мастерски разыгранной политической партии. Настала очередь карательных отрядов, ЧК. Террор уже был отлаженной машиной, полностью регулирующей жизнь тыла. Да и армии тоже. С 1917 года Красная армия очень изменилась. Время революционного романтизма безвозвратно прошло. К 1920 году армия была уже достаточно сложным военно-бюрократическим механизмом, в котором перемалывалась и ломалась индивидуальная воля миллионов мобилизованных или пришедших служить добровольно, выпихнутых в войну безнадежностью и нищетой. Эту махину надо было удерживать в узде, заставить драться против нужного врага, не дать развиваться самовольству...

Вторжение в партизанский район чревато было разными неприятностями и самовольством в первую голову. Поэтому приняты были превентивные меры: до того вплоть, что запрещено было принимать в Красную армию добровольцев – в одиночку и группами. А желающие послужить делу революции должны были сначала отстояться в тыловых частях, пройти переформирование, смешаться в равной пропорции с мужиками из разных губерний и уж затем – пущены в дело. В отношении же самостоятельных формирований наркомвоенмор Троцкий дал разъяснение, что за неподчинение и своеволие они должны быть подвергнуты расправе.

Слово «расправа», словно бы извлеченное из бумаг судебного приказа допетровского времени, странновато звучит в устах пламенного революционера XX века тов. Троцкого. Однако именно эта мертвечина в языке, эта неспародированная серьезность кафкианского бюрократа дают нам пищу для новых размышлений о личности тов. Троцкого (в частности) и о настроениях в верхних эшелонах власти (вообще). Цитирую: «Причины расправы должны быть понятны каждому рабочему, крестьянину или красноармейцу. Соответствующий приказ разъяснительного характера должен быть заранее своевременно отпечатан в соответствующем количестве экземпляров. Для учинения расправы должны быть назначены вполне и безусловно надежные части. Разоружение, следствие и расправа должны совершаться в кратчайший срок, по возможности не дольше 24 часов. Самой строгой каре

подвергать командный состав и кулацкие верхи отряда...» (12, 146). Все делово, серьезно, как у Угрюм-Бурчеева. С той лишь разницей, что это не литература. И с той оговоркой, что прикрытие пролетарской идеей – против кулаков – не может скрыть чисто карательного, «на уничтожение», направления приказа. «Бей всех, кто не согнулся в три погибели» – вот смысл пожелания тов. Троцкого, высказанного в приемлемой для государственного человека форме. Однако верноподданные поняли тайную мысль вождя.

В анонимном свидетельстве «старого большевика-ленинца», изданном в Париже в 1970 году, рассказан потрясающий эпизод о том, как один из карателей, Жлоба – бывший донецкий шахтер, ставший партийным активистом, взял в Синельникове сто заложников из числа чуждого рабочему классу элемента: священников, богатых крестьян, торговцев. Будучи препровожденными в ЧК, заложники узнали, что они обязаны указать, где скрываются руководители банды, в противном случае 25 из них будут немедленно расстреляны. Не привыкшие к столь крутой постановке вопроса, заложники молчали, ибо никто из них ничего не знал ни о банде, ни о ее руководителях. Первые по списку 25 человек были названы пофамильно и расстреляны на глазах у остальных.

Трупы убитых – широкий жест! – были без проволочек выданы родственникам. На второй и на третий день допрос продолжался с тем же результатом. Наконец, на четвертый день оставшиеся в живых последние двадцать пять заложников на тупо повторенный вопрос, известны ли им агенты махновцев, наперебой загомонили, что таковые им известны в органах советской власти и в руководстве партии: в частности, это председатель городского Совета, секретарь городского комитета партии и сплотившиеся вокруг них враги советской власти... Неизвестно, остались ли в живых заложники, но названные руководители, по воспоминаниям «старого большевика-ленинца», были расстреляны как махновские агенты (94, 127).

Возможно, Сталин еще не знал, что машина террора отлажена для него, как часовой механизм. Но об этом уже знал Жлоба, буреизвестник большого террора.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 2 апреля 2025 11:18:35

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 2 апреля 2025 11:20:08